

И даже такие двусмысленные откровения в устах прикамского мачо:

*«Все мы, как женщины,
Ищем
Здорового-сильного мужа».*

*«Сияй, наша звонкая
лестница!
Голубейся в любви.
У нас нет берегов».*

Цитаты приводятся из разных текстов этой реально-гилейской подборки. Об уровне поэзии судите сами. Самое яркое, что остаётся после прочтения, — мелькающие хвостиками баралайзы среди Океании.

Книга «Василий Каменский: Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма. Неопубликованные тексты. Факсимиле. Комментарии и исследования» представляет нам ещё одного Каменского. Точнее, сразу нескольких (в разных ипостасях). Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге данным томом пополнило свою серию «Авант-гард», где факсимильно републикуются книжные раритеты авангарда начала XX века с подробнейшими комментариями да иллюстрациями: В. Маяковский, Б. Пастернак, И. Терентьев, В. Хлебников и прочие в том же направлении.

На первый взгляд, том Каменского просто логично продолжает обозначенный ряд, ибо легко вписывается в компанию. Два типографских раритета прилагаются.

Но при детальном осмотре выявляется принципиальное отличие — в широте охвата.

Перед нами отнюдь не книжка про поэта (хотя бы даже и очень разностороннего). Забраккованный режиссёром Мейерхольдом в качестве актёра Васильковского на сцене, наш герой срочно дружится с другим тогдашним режиссёром-новатором — Николаем Евреиновым, проповедником теории театра для себя, «театра жизни». С тех пор появляется знаменитый «Актёр Жизни Вася Каменский».

«Вошедшие в книгу исследования впервые показывают Каменского во всем размахе его жизнетворческого темперамента: Каменский как пионер авиации, как первооткрыватель новых форм в поэзии, как циркач, как (само)рекламист, как дизайнер и типограф, как мастер перформанса, как поэт-орденоносец. В издание включено более 300 иллюстраций; впервые собраны три десятка листовок и афиш Каменского, в том числе наполненные взрывной типографикой. Впервые публикуется масштабная иконография поэта — более 40 его портретов», — говорится в издательской аннотации.

Под чутким руководством куратора А. Россомахина коллектив знающих своё дело энтузиастов показывает нам истинного Каменского: во всё воплощённое ничто. У обаятельного жизнелюба Васи, который был всеоб-

щим другом, которого любили люди всех темпераментов (пристрастий и возрастов), судя по всему, был только один талант — витальность. Любовь к жизни во всех её проявлениях приводила его в друзья к самым разным людям, обществам, кругам, слоям (далее — по необходимости). Его реально ничего не разделяло ни с пережившими своё морализаторами-передвижниками, ни с цинично-грубыми актёрами-провинциалами, ни с передовыми парижскими Дада, ни с истошными расейскими «скифами». Он был своим в любой компании (куда, естественно, пускали). Он подходил, подлаживался, подстраивался. Был то «эстетнее» самого Северянина, то «зумнее» Кручёных (в стихах), то «лиричнее» Е. Бём (это не ругательство, а художница такая!), то «передовее» Маринетти (в рисовании), то «историчнее» Ромашкова (режиссёр «Понизовой вольницы»), то «индустриальнее» Эйзенштейна (в кино). И так далее. Его ничего не разъединяло ни с кем. И ни с чем. Но ничего и не объединяло (на самом деле). Всюду он оставался Васей. И когда экстазно призывал в как бы авангардной книжке компании тифлисских задир:

*«Золотозсыпью —
Мировенчалностью —
Наполняя сердца
утрозарным вином,
Горите звучально
Венчально
встречальностью»*

*Гимн распевая
О царстве Ином», —*

от таких душистых букетов не отказался бы и Бальмонт. И когда выдавал монолог Нового Человека в аэроплане:

*«Ты, сердце, бейся,
Душа, молись...
Летите, крылья,
Несите, крылья,
В святую высь».*

Вполне себе надсонообразное третичное декадентство застойной эпохи. В том же духе (а то и под Ахматову):

*Я прилечу бирюзовым
Венчанием.
Ветром в долину любви.*

Порой как зарычит сей будетлянин разудало-лихо с эстрады:

*«Девушки босиком —
Деревенские за водой
с расписными
Вёдрами-коромыслами
На берегу Волги
(А мимо идёт пароход)».*

Не очень понятно, почему при том эпатировался уже достаточно искушённый зритель в 1917 (!) году данной нафталиновой неритмованной-нерифмованной некрасовщиной. Хотя больше подходило к тому бряканье Васи на гармошке в частушечной манере. Для понимания нелепости претензий автора на авангардизм достаточно сравнить, например, действительно новаторские вещи его друзей («Уструг Разина» Велимира Хлебникова, «Пугачёв» Сергея Есенина и т. п.) с многочисленными каменскими поделками во всех возможных жанрах на разинско-болотниковско-пугачёвские темы, где вся новизна сводится к пыхтению с посвистом да грозно сдвинутыми набекрень бровями: «УХ! ЭХ! ЭГЕ-ГЕЙ!» При том присутствующий друг-йог, он же футурист жизни Владимир Гольцшмидт, не мудрствуя лукаво, ломал о голову доски. Что, на мой взгляд, намного выразительней. Конечно, можно объявить Васю и ве-

ликим Пророком Явления Чупа-Чупса, например. Исходя из таких поразительных провидческих строк:

*«Ука
Унс
Чука
Чупс».*

Тем не менее описанные нами книжки читать и рассматривать весьма интересно. Особенно собранные и проанализированные питерским коллективом афиши, листовки, мемуары, которые дают представление о масштабе великого саморекламиста («Его-Моя»). О степени его погруженности в ту жизнь, которую он, самозванная Мама (!) Футуризма (в пару к Папе Бурлюку), так любил. О людях, идеях, событиях вокруг. И это самое интересное в книжке про неинтересного человека и автора. Аромат эпохи, динамика футуристического движения, артефакты и просто факты. Можно начинать погружение.

Сергей Сигерсон

Волшебство неевклидовой геометрии

Андрей Санников. Зырянские стихотворения. — М., Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2016

Книга Андрея Санникова «Зырянские стихотворения» — волшебство. Его стихи — всегда волшебство. Андрей Санников — значимый современный поэт, ро-

дом из Березников, кстати, один из двух уральских поэтов, включенных в учебник «Поэзия» Кузьмина, Корчагина и Азаровой, — удивительный человек. Успевший

поработать в самых неожиданных местах — от археолога до реставратора и от директора краеведческого музея до директора церковно-приходской школы, а по-